

Пряхин Василий

Летняя ночь для двух
одиноких сердец

18+

Василий Васильевич Пряхин

Летняя ночь для

двух одиноких сердец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41993557

SelfPub; 2019

Аннотация

Возвращаясь из кинотеатра, Алексей попал под сильный дождь в городском парке. Но он не спешил прятаться от дождя, прибывая в собственных блуждающих мыслях, которые тревожили загнанную в тупик душу. Вдруг он заметил, что не один в этом мире, скрытом за стеной дождя – на скамье неподвижно сидела незнакомка – Виктория. Алексею после долгих уговоров удалось убедить Викторию выпить с ним согревающий кофе в местной кофейне. Впереди у них летняя ночь, чтобы открыться и разгадать тайны друг друга.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глава 1

Возвращаясь из кинотеатра, я попал под теплый летний дождь.

Город замер. Ветер стих. Птицы спрятались в кронах берез и тополей, обступивших парк, по которому я все так же неспешно шагал.

Дождь барабанил по карнизам окон близлежащих многоквартирных домов, мелодично играл на листьях, которые трепетали от тяжести капель – я слышал его, я был дождем, я плакал вместе с ним.

Я наивно полагал, что остался под проливным дождем в гордом одиночестве. Но нет – неподвижная женская фигура на кованой скамье привлекла мое внимание.

Как странно, подумал я, почему она не уходит?

Ей так же больно, как мне?

Она любит дождь, эти нежные и сокровенные прикосновения капель с разгоряченным от июльской жары телом?

Или ей стало плохо и она не может самостоятельно подняться со скамьи?

Инфаркт?

Переутомление?

Ворох вопросов за одно мгновение – и ни одного ответа.

Ноги, некогда прикованные к асфальту, поспешили на помощь к девушке в черном платье, скрывающем худобу.

Ее лицо скрывала широкополая шляпа с причудливой розочкой. На ножках красовались миниатюрные ботиночки на шнуровке. Руки покоились на коленях, женственные и ухоженные, с длинными пальцами, без колец и яркого маникюра.

Она сидела неподвижно, подчиненная дождю, была в его безоговорочной власти или...

– Прошу вас, – тихий, сдавленный, вибрирующий голос, – уходите.

Ни движения, ни дыхания, только голос и мурашки, бегущие по ее белоснежной коже.

В растерянности, сам не свой, я не знал, как поступить: просто уйти, подчиниться или проявить упрямство и посмотреть в ее спрятанные от других глаза, разгадать их тайну и, возможно, помочь – словом, улыбкой.

– Или останьтесь, – еле слышно проговорила она и добавила: – только на минуту.

– Хорошо.

– Я не хочу, чтобы вы смотрели на меня. Садитесь на скамью.

Я покорно исполнил желание незнакомки, почувствовав развевающийся шлейфом ее аромат – корица, ромашка и лаванда.

– Вам нравится дождь? – спросил я, поджимая коленки.

– Нравятся мгновения...

– Мгновения?

– Вот как сейчас. Ни ветра, ни голосов, ни шума – лишь дождь. Стеной. Который сглаживает неровности, скрывает уродство. И... дает силы, чтобы жить дальше. Ради таких вот мгновений и стоит жить. Правда?

Никогда не верил в родственные души – где-то заблудшие, когда-то потерянные и неизбежно недостижимые.

И тут ее мысли вырвались наружу, запорхали под сенью берез, вознеслись в громады небесной тверди, а потом ниспадали до меня, до маленького, ничем не примечательного человечка, песчинки в круговороте времен – и пронзили мою душу. Я хотел потерять сознание, умереть, чтобы возродиться другим, в другом измерении.

В ее измерении.

– А что для вас дождь?

– Я, – мне не верилось, что незнакомка способна мыслить так же, только глубже и эмоциональнее, нежели я. Необъяснимо и чудесно.

– Если я скажу, что вы прочитали мои мысли...

– Я вам не поверю.

– Неудивительно, – я выдавил улыбку. – Дождь, по моему мнению, музыка, в которой нет искусственности. Которая сглаживает фальшь. И прощает, наверное, наши ошибки. Дождь – это живая симфония.

– А вы – настоящий?

– Не знаю. А вы?

– Хочу быть такой.

– Можно взглянуть в ваши глаза?

– Зачем?

– Чтобы увидеть вас живой, – не раздумывая, ответил я.

Она опустила на колени шляпу, взъерошила кудрявые рыже-каштановые волосы, ниспадающие на плечи, и посмотрела на меня заплаканными большими глазами, бледно-голубыми, низко посаженными и очерченными ресничками, касающимися век, над которыми красовались рыжие брови.

– Вы довольны? Увидели?

Я не отвечал. Ловил глазами ее россыпь веснушек на носике, немного вздернутом и угловатом; две еле видимые линии на правой щеке – шрамы; полные любви и чувственности губы; подбородок с ямочкой.

– Не терзайте, скажите, что вы видите: жизнь или угасание? Пожалуйста. Только честно.

– Жизнь.

– Спасибо, – и снова слезы, скатывающиеся по щекам вместе с капельками дождя. – А теперь уходите. Не заставляйте девушку просить дважды.

– Не могу.

– Так будет лучше.

– Не для меня.

– Я прошу – уйдите, – она говорила спокойно, не переходя на эмоции.

– Я уйду.

– Спасибо.

– Когда выпью с вами кофе.

– Что? Это...

– Это не шантаж. Нет, нет же. Я приглашаю вас согреться горячим кофе, поговорить всего полчаса, а потом проститься.

– Навсегда?

– Не верю этому слову.

– Зачем вам полчаса?

– Это мгновение, которое я не хочу упускать.

* * *

– Зачем? – короткий вопрос – и молчание. Она держала в руках кружку с ароматным цветочным чаем. Замерла, глядя на исходящий пар, вьющийся вверх и исчезающий в мире, где играла спокойная музыка, где приглушен свет плотными синими шторами, где люди вполголоса беседовали – признавались, лгали, возмущались и смеялись. Перед тем как глотнуть, незнакомка спросила: – Все же, зачем мы тут?..

– Убедить вас остаться со мной, – я пил крепкий черный кофе.

– Невозможно.

– И этому слову я не верю.

– Почему?

– Не верю по двум простым причинам. – От горячего чая ее щеки покрылись нежнейшим румянцем, глаза заблесте-

ли, словно солнечные блики на гладкой поверхности озера, а волосы, пахнущие летним дождем, завивались, кружа мои мысли, мою голову, мое несчастно бьющееся сердце. – Первая – банальное нежелание достигать невозможного, а вторая – незнание.

– Вы отчасти правы. Но...

– Я просто хочу поговорить.

– Тогда спросите, как меня зовут?

– Как вас зовут? – я улыбнулся, она – в ответ. Скромно.

Робко.

– Виктория. А вас?

– Алексей.

Я протянул руку, чтобы скрепить знакомство рукопожатием. От прикосновения с ее все еще холодной шелковистой кожей меня обдало приятной дрожью, я почувствовал легкое покалывание на кончиках пальцев, как от статического напряжения.

Неловкое рукопожатие затянулось: я не хотел ее отпускать, она не вырвалась.

– Приятно познакомиться, – сказал я и нехотя, против собственной воли, отпустил ее руку.

– И мне. Будем на «ты»?

– Конечно, конечно.

– Раз мы познакомились... – Молчание. Ее глаза изучали меня. – Ты не будешь против, если я закажу кусочек трюфельного торта?

– Безмерно рад.

– Обожаю его. Настаиваю, чтобы и ты попробовал.

Я позвал официанта и заказал два «трюфельных чуда».

– Часто здесь бываешь? – поинтересовался я.

– Нет. Я редкий гость в таких заведениях. Предпочитаю домашний уют. Особенно в последнее время.

– Каждый вечер пятницы я был здесь.

– Сегодня пятница.

– Сегодня – точнее, несколько недель назад – все изменилось.

– Расскажешь?

– Эта история не красит меня.

– Мы не на свидании.

– Верно. – Ее улыбка – это закат в зимнюю стужу, так же волнует и слепит. – Тебе интересно?

– Да.

– Я потеряю время, минуты. Тик-так. Хочу узнать о тебе. Узнать: почему ты сидела одна в парке, под дождем?

– Узнаешь, – Виктория накручивала волосы на указательный палец и взглянула на меня глазами, полными теплоты, безмерной чистоты и озаренными ореолом доброты. Я тонул в них, погружался в нее, видел то, что не видел никто – ее красоту души. – Обещаю.

– Хорошо. – Пришел официант, поставил тарелки с «чудо-трюфелями» и бесшумно удалился. – Ты веришь в родство душ?

– Скорее да, чем нет.

– Я поверил сегодня.

– Из-за меня?

– Ага. У тебя нет такого чувства, что мы уже где-то когда-то встречались?

– Есть.

– Невероятно.

После недолгого молчания, мимолетных переглядываний, улыбок, безвозмездно подаренных друг другу и согревающих сильнее, чем горячие напитки, я начал рассказывать о том, о чем не стоило бы рассказывать, особенно незнакомке. Доверить сокровенное и личное, свою тайну, скрываемую глубоко внутри, – поступок опрометчивый. Даже глупый.

– Я работаю. А, нет, прости. Не так начал, – я запнулся. Раздирал еще не зарубцевавшуюся рану. – Я работал много лет на заводе. С двадцати лет. Именно тогда моему отцу сделали операцию на сердце (успешную, по мнению лечащего кардиолога). Он прожил несколько недель, счастливый, что обманул смерть, а потом просто не проснулся, затаив дыхание. Он так и не убрал полуулыбки победителя с лица.

– Соболезную.

– Это было давно, – голос дрогнул.

– С годами острее чувствуешь боль от утраты.

– Я скучаю. Дико скучаю. Не хватает совета, одобряющих слов, критики; его смеха, ворчания, тембра; его запаха.

– Когда умерла мама – что-то умерло во мне, – призна-

лась Виктория, – словно кто-то вырезал кусок меня, оставив лишь фрагмент – незаконченный, с кучей комплексов. Умер не человек, а мой Бог, подаривший мне жизнь. Без Бога – путь уже не тот...

– Одинокий, – добавил я.

– Потерянный, – Виктория указательным пальцем убрала предательскую слезу. – С ее смерти прошло много времени, но путь, по которому мне надо идти, я так и не нашла.

– Я нашел. Да только он оказался ошибочным. Фальшивым, – закрыв глаза, я послал отцу слова любви. И продолжил. – Младший брат с сестрой учились в школе – два года разницы, мать работала ведущим инженером по сметной работе. Поэтому вопрос о моем очном обучении в техническом институте был решен. Я перевелся на заочно-вечернюю кафедру и устроился, как уже говорил, на завод. Работал как вол на термических печах и по совмещению ремонтировал оборудование, чтобы оплатить учебу и содержать семью. Было трудно. По словам матери, выбил последние ростки эгоистического и самовлюбленного мальчишества, став мужчиной, способным принять жизнь такой, какой она была на самом деле. До двадцати я бороздил кучерявые облака, считая себя Наполеоном, которому ничего не стоило изменить мир и быть в нем единогласным Королем. Царская корона быстро слетела с головы, когда я вступил в ряды грубых, неопрятных работяг, которые при всем при этом обладали такой человечностью, что позавидовал бы любой закоренелый интел-

лектуал-буржуа.

– Никогда не была на заводах.

– Многое упустила. Именно там кипит, бесконечно бурлит жизнь с извечными проблемами и победами, матерными криками и залихватским смехом. Там, где есть опасность для жизни, люди сплачиваются в единый организм, молекулой к молекуле. Если ты хочешь увидеть, услышать, прогнать через себя «то самое настоящее» – проведи одну рабочую смену в трудовом коллективе, где деньги зарабатываются потом и даже кровью. Это не объяснить. Это надо пережить. Я несколько не жалею об этом бесценном опыте, когда начинаешь ценить то, что имеешь. И дело не только в деньгах.

– Кем ты работал до увольнения?

– Ведущим инженером по ремонту оборудования в медеплавильном цехе. Ответственная должность. Интересная, перспективная. Два года я справлялся со своими должностными обязанностями: модернизировал, проводил капитальные и текущие работы, был в центре аварийных ремонтов и предлагал мероприятия по предупреждению инцидентов. Жил, можно сказать, на работе. День ото дня набирал «мускулы» бесценного производственного опыта. Мне казалось, что нет такого оборудования, которое я не понимал бы как отремонтировать – уверенности было выше крыши. Со мной советовались старшие товарищи, отработавшие порядка сорока лет на производстве и когда-то учившие меня, как держать гаечные ключи. Присутствовал на селекторе главного

инженера завода, где в горячих спорах рождались истины – решения проблем. Был правой рукой начальника отдела, который безоговорочно доверял мне и моему чутью: я не ждал, когда оборудование выйдет из строя, всегда был впереди планеты всей. Не подумай, я не хвастаюсь...

– Не подумаю. У тебя было хорошее будущее на заводе.

– Это и окрыляло... И, как выяснилось позже, губило меня.

– Успех всегда рождает неудачу, – философски заметила Виктория.

– За два месяца до *краха* мне пророчили должность начальника отдела по ремонту. Я мысленно поднялся на ступень **ВЫШЕ**, обретая блаженное чувство удовлетворенности от жизни. Мне казалось, я добился **ВСЕГО** до тридцати лет. И не важно, чем мне приходилось жертвовать: каждый день работать почти по четырнадцать часов, а вечером в пятницу смертельно усталым вклиниваться в шумную компанию коллег, якобы друзей, и напиваться до одурения. Ну и что? Это нормально. Так все работают, кто хочет добиться успеха, талдычил я себе под нос. И неважно, что на личном фронте лишь случайные встречи – нелепые интрижки, заканчивавшиеся по одному и тому же сценарию. Не было счастливого конца.

– Ты любил? – вопрос неожиданный, создавший сиюминутную неловкость, от которой ее щечки запылали нежнейшим румянцем. Я улыбнулся:

– Трудно сказать.

– Чтобы от любви ты становился сам не свой.

– Не помню.

– Значит, не любил.

– Любовь обходила меня стороной, – признался я, прокручивая в голове все те неловкие и неудачные *любовные* эпизоды, которые раньше несколько меня не задевали, проходили мимо меня, словно ничем не примечательный шлак. До сегодняшней поры. – Я сам убежал от любви. Предпочел обвенчаться с работой.

– Сейчас ты развелся с работой...

– Это точно, – я нервно засмеялся. – Разругались мы в пух и прах.

– Самое время открыться для любви.

– Уже открылся.

– В смысле? – Виктория вздрогнула от своего же вопроса.

– Я открываюсь тебе.

– Нет, нет, – она замотала головой. – Только не мне. Пожалуйста.

– Почему?

На вопрос я не получил ответа.

В ответ – лишь тишина.

Молчание.

Она о чем-то думала, не смея посмотреть на меня, в мои начавшие паниковать глаза. Я не хотел потерять ее. Отпустить, дарить другим. Я точно знал, что влюбился в нее.

– Заплати по счетам и уходи. Забудь обо мне. Потому что я опасна для тебя, – Виктория говорила на полном серьезе – это и пугало. Глаза, ее милые глаза, уперлись в стол, а хрупкое тело замерло, словно заледенело. – Опасна.

– Как ты можешь для меня быть опасной, когда я увидел в тебе родственную душу? Когда я чувствую, что знаю тебя бог знает сколько лет, хотя знаком не больше часа?

– Я опасна для тебя.

– Не боюсь, – утвердительно сказал я.

– Не боишься, что из-за меня твоя жизнь может пойти под откос?

– Она давно сошла с рельсов и катится черт знает куда.

– Я говорю так... потому что у самой не хватает сил встать и уйти. Уйти от тебя.

– Зачем убегать, когда хорошо?

– Потом будет плохо, – она дрожала. Видел, как мечется ее душа. Она делала выбор. Между мной и мной. Быть или не быть со мной. Поддаться мгновению, искушению с дьяволом, или сразу броситься в пропасть.

– Это будет потом.

– Если ты или я сегодня не расстанемся...

– Ну и пусть. Я хочу любить этим вечером.

– Ты серьезно сейчас? – ее глаза перестали бегать.

– Еще как. За тридцать лет я ни разу не чувствовал такого влечения, такого единения, такой легкости.

Виктория посмотрела на меня влажными от слез глазами

и спросила:

– Почему ты раньше не нашел меня?

Я хотел сказать, что был слеп, но не успел.

Виктория поцеловала меня – и вихрь ветра унес меня в самое сердце неопишемого и доселе неиспытанного чувства.

Чувства любви.

– Прости, я сама не своя, – она взяла сумочку, резко встала и сказала. – Мне нужно в уборную. Извини.

– Ничего.

Я ждал минут пятнадцать-двадцать. Может, больше. Может, меньше. Время порой непостоянно и тянется очень долго, когда ждешь. Ждешь и ждешь, а впереди – пелена тумана неопределенности.

Полчаса прошло – и она исчезла в тумане, в вихре времени, где любовь больно отдается в груди.

Я, опустошенный и потерянный от непонимания, заплатил и вышел на улицу, поглощенную вечерними сумерками.

Почему?

Красота вечернего неба осталось на заднем фоне, посеребра, став незаконченным полотном; на первый план вышагало мое одиночество, которое шло совсем рядом, дыша мне в затылок, смеясь надо мной, иногда хватая и сдавливая горло, отчего кружилась голова, а в глазах все расплывалось.

Ноги вели меня домой, обратно через парк, к тому самому месту, где мы встретились.

Я надеялся на чудо – увидеть ее на скамейке, подбежать к ней, обнять, слиться с ней воедино – и больше не отпускать.

Надежды рухнули так же быстро, как построились.

Мечты, мечты... они так сладки, так вдохновляют, пока не спотыкаешься о рифы и не тонешь на дне океана, где поджидает огромное чудовище с необъятной пастью, которое мы величаем реальностью.

Сев на скамью и облокотившись на твердую и неудобную спинку, я закрыл глаза и слушал шептание ветра в надежде найти подсказку, куда он унес мою единственную – первую – любовь, что явилась как вспышка света в безграничной тьме.

– Прости, – от ее тихого голоса я вздрогнул и открыл глаза. Виктория стояла передо мной, а я не верил, что это действительно она.

– Ты мне снишься?

– Нет, – она под села ко мне так близко, что я почувствовал ее дыхание, ее ванильный запах. – Я не смогла уйти. От тебя.

Виктория нырнула в мои объятия и прижалась к груди, затаив дыхание, дрожа всем телом. Как же она была прекрасна: стройная и обворожительная, скромная и хрупкая.

Моя.

Правой рукой я гладил ее шелковые пряди волос, а левой – цепко обхватил талию, покрывшуюся мурашками.

– Знай, что ты единственный мужчина, которого я обнимаю в первый же вечер.

– Я знаю.

– Что с нами происходит?

– Волшебные вещи.

Мы сидели в объятьях друг друга, наслаждаясь угасающим вечером, небом, озаряющимся ворохом звезд, луной, чье сияние обволакивало серебром окружающий бранный мир, где двое нашли уединение в касаниях, словах и жестах.

– Расскажи, что было дальше, – попросила она.

– Если ты не против, можно, я возьму паузу и выслушаю твою историю?

– Думаешь, я снова убегу?

– Нет. Просто не хочу, чтобы ты так скоро разочаровалась во мне.

– А если я пойму? Наоборот, поддержу?

– Я буду рад...

– А ты не боишься разочароваться во мне, когда я расскажу о себе?

– Нет.

– Ох, как бы я не хотела начинать... – Молчание. – Ты просто не представляешь, что тебя ждет.

– Наверное, сказка?

– Плохая сказка.

– Пожалуй, в такую ночь можно многое простить.

– До восьми лет я считала себя сумасшедшей. *Другой*. Чужой. Такой я и была для сверстников. Девочкой, которая любила гулять в одиночестве, болтать с небом, деревьями. Я избегала общества, пребывая в себе и не открывая лишней раз рта. Сверстники меня сторонились, поодиночке опасались со мной сталкиваться, а большой компанией – издевались, как над проклятой ведьмой. Их издевательства – шлепки, пинки, похабные словечки, розыгрыши – меня не трогали. По большей части веселили. От этого детки становились еще злее и жестче: они хотели довести меня до слез, до страданий, до боли, чтобы посмеяться. Но ничего не выходило. Однажды меня толкнули с лестницы. Ради шутки. Ради собственного утверждения в стае зверей, где изгоев либо бросают, либо убивают. Падение с бетонных ступенек – вздох и удар – и вот я уже не могу встать с холодного пола, ноги отнялись. Я плачу. Они смотрят. Стоят как вкопанные солдатики. Вижу в их глазах страх, перемешанный с жалостью и бесчувствием. Закрываю глаза – хочу умереть. Проснуться в ином мире, где меня поймут. Полюбят. Примут такой. Такой настоящей. Но умереть не так просто.

Я не говорила, что сирота?

Конечно, не говорила. Никому не рассказывала.

Ты первый...

Меня бросили на скамью подле церкви. Зимой. В начале февраля. Истошные крики младенца услышал батюшка Матвей и с Божьей помощью спас мою жизнь.

Мне повезло – я не помню годы, проведенные в детском доме. Меня, двухлетнюю и молчаливую, увидели, как заветную игрушку на витрине, влюбились и решили, что удочерят. Бездетные супруги, Мария и Владимир, которым было далеко за сорок, обрели во мне смысл жизни.

Жаль, не оправдала их надежд.

Я старалась изо всех сил угодить им и их желаниям. Они искренне верили, что я вырасту той, кем они загадали: веселой, творческой, открытой. Свободной от комплексов и других человеческих предрассудков. Записали меня в кружок танцев, в школу маленьких художников, читали каждый вечер замечательные детские книги, которые я любила слушать и уплывать в вымышленные миры писателей. Разговаривали со мной, веселили, любили и часто обнимали. Очень часто. Так продолжалось до семи лет.

Пять лет они были непреклонны.

Пять лет выдалбливали, кусочек за кусочком, гранит моего молчания, моей отстраненности.

Безуспешно.

Я не могла – но хотела! – стать другой. Потому что я такая. Такой и примите.

Не приняли и ничего не сказали.

Приемные родители отстранились от меня – дали свободу.

Полную свободу, подарившую крылья, с помощью которых я упорхнула ввысь. Летала, летала. Не ведая, что пути обратного нет и не будет. От этой истины крылья вспыхнули, обожглась душа. Почерствела. Скукожилась. Неполноценность нависла черной тучей, закрыла солнце – свет. Я снова потеряла Богов. Я потеряла путь, себя, мир. Я замкнулась еще больше, загнав себя в болото. В котором вязла, увязала.

А потом меня толкнули в школе.

Прогноз врачей был неутешителен. Перелом позвоночника в шейном отделе с частичным повреждением спинного мозга. Была на волоске от смерти, говорили мне врачи, повезло.

Повезло.

Бог миловал.

Правда, тараторили они, повреждения настолько серьезны, что встать с постели уже не получится. 99 процентов, что до конца своих дней мне лежать и не двигаться, быть овощем.

Я не кричала, не плакала, не истерила. Просто я не поверила врачам и улыбнулась им и приемным родителям. Мария не выдержала, разревелась, убежала, пошатываясь из стороны в сторону. Владимир стойчески держался. Настоящий мужчина. Смелый и гордый. Любила его по-своему. По-особому. Только вот он не почувствовал. Не прочувствовал.

– Дочь, ты как?

Я кивнула. Это значило, что все хорошо.

– Не сдавайся.

– Не сдамся.

Он поцеловал меня в лоб и ушел. Надолго ушел. Убежал от меня. Бросил вместе с Марией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.